

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Т. Л. Клячко, В. А. Мау

Будущее университетов

| Издательский дом ДЕЛО |

МОСКВА | 2015

УДК 378
ББК 74.58
К47

Клячко, Т. Л., Май, В. А.
К47 Будущее университетов / Т. Л. Клячко, В. А. Май. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 64 с. — (Научные доклады: образование).

ISBN 978–5–7749–1040–3

В докладе обсуждается будущее университетов: те тенденции, на которые все больше обращается внимание, и те, которые еще только проявляются, не попав в поле зрения большинства исследователей высшего образования.

Дискуссия о будущем университетов ведется в связи с появлением новых факторов и обстоятельств, играющих существенную роль в развитии высшего образования, особенно в развитых странах. Среди ключевых вопросов как собственно факторы развития образования, так и глобальный контекст. К первым относятся быстрый рост издержек университетов и появление массовых онлайн-новых открытых курсов (МООС) как возможного противовеса удорожанию образования, а также наметившийся переход от массового высшего образования к всеобщему. Ко вторым — ход глобального кризиса и контуры той новой социально-экономической и технологической реальностей, которые сформируются в результате его разрешения. Ведь на изменение места и роли университетов влияют и новые социальные факторы, и смена экономической модели.

Естественно, что особое внимание авторы уделяют анализу российских тенденций в сфере высшего образования.

В докладе предпринята попытка рассмотреть последствия грядущих перемен и возможные развилки образовательной политики.

УДК 378
ББК 74.58

ISBN 978–5–7749–1040–3

© ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», 2015

Оглавление

1. Глобальные тренды	5
Кризис или окно возможностей?	6
Факторы турбулентности	7
Демографический фактор, превращающийся в социокультурный.....	10
Повышение технологического динамизма	12
Индивидуализация образования	13
Рост издержек университетов	15
Трансформация рынка труда.....	22
Социальный статус.....	24
Интернационализация образования и появление глобальной конкуренции за лучших студентов и лучших профессоров	26
Изменения в технологиях высшего образования	27
Векторы перемен.....	28
2. Российские тенденции	30
Контекст	30
Высшее образование в России — немного истории	33
Рынок труда и высшее образование	43
Тенденции.....	45
Финансирование	48
Развилки: будущее российских университетов	60
Литература	62

1. Глобальные тренды

В мировом образовательном сообществе активизировалась дискуссия о будущем университетов. Если лет пять-десять назад обсуждались реформы всей системы образования, при этом акцент нередко делался на школе, большое внимание уделялось качеству образовательных услуг и механизмам его обеспечения, то теперь речь прежде всего идет о судьбах университетов. Дискуссия о школах не прекратилась, но профессиональное образование явно стало одной из ключевых тем в современной дискуссии в мире. Причины этого, по-видимому, отражают ряд системных трансформационных процессов, которые запустил глобальный экономический кризис. С одной стороны, уже в предыдущие два десятилетия развития постиндустриального (или информационного) общества сформировались новые требования к системам образования, существенно отличные от того, что считалось нормой в классическом индустриальном обществе XIX–XX вв. С другой стороны, новые контуры мировой экономики и политики, которые формируются в настоящее время¹, ставят и новые задачи перед организацией рынка труда и, соответственно, профессионального образования.

¹ О ключевых характеристиках глобального кризиса и его влиянии на формирование новой экономической и политической модели см.: [May 2009].

КРИЗИС ИЛИ ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ?

За последние десятилетия мы стали свидетелями бума высшего образования, когда возникали новые высшие учебные заведения и росла конкуренция между старыми и новыми университетами, быстро увеличивались студенческие контингенты. Однако количественный рост не мог не сказаться на качестве. И эта ситуация ставит на повестку дня более сложный вопрос — о принципиальной модели высшего образования будущего. Все реже задаются вопросы, какие университеты будут преимущественно развиваться — исследовательские, предпринимательские или преподавательские. Все чаще речь идет о том, способны ли существующие модели высшей школы к развитию в принципе. Таким образом, кризис образования, начало которого обозначил Ф. Кумбс в середине 1960-х гг., плавно перетек в кризис высшего образования [Кумбс 1970].

В его основе, как считается, лежит с одной стороны взрывной рост издержек университетов, а с другой — быстрый выход высшего образования в Интернет, что существенно удешевляет процесс обучения. Одновременно это делает доступным качественное (и, соответственно, очень дорогое) образование практически для каждого, кто сможет в силу имеющихся у него способностей (развитых или неразвитых дошкольным и/или школьным образованием, а также самообразованием) адекватно воспринять поступающую к нему информацию, получить не только желаемые знания, но и навыки (компетенции), необходимые для практической деятельности.

Вместе с тем происходит размывание границ формального образования, вершиной которого всегда являлись университеты, идет практически постоянное и плохо регулируемое разрастание сфер неформального и информального образования. На первый план выходит задача сертификации знаний (компетенций), полученных вне системы формального образования. Другими словами, возникает потребность формализации (легитимации) неформального и информального образования.

Это снятие границ (реальное или только прогнозируемое) уже само по себе становится элементом кризиса, переживае-

мого системой высшего образования. Неформальное и информальное образование благодаря интернет-технологиям становятся реальным конкурентом университетов, поскольку могут предоставить образование достаточно высокого качества, но дешевле, чем это делают современные высшие учебные заведения, при этом аудитория, вовлеченная в процесс обучения, будет значительно большей.

Аналогией происходящих перемен в высшем образовании стал сход лавины: она еще ползет по склону, но скорость все увеличивается, и скоро эта лавина перемен может похоронить под собой красивые здания современных университетов¹.

И никто, обсуждая будущее университетов, почему-то не вспоминает о тех колоссальных изменениях, которые за два последних века произошли в системе образования. Еще в середине XIX в. в ведущих странах мира доля населения, имеющего образование (хоть какое-то!) не превышала 20%. Представляется, что переход к обязательному начальному, а потом и семи- (восьми- или девяти-) летнему, школьному образованию вызвал не меньшее потрясение основ образовательной системы, чем происходящие в настоящее время изменения в высшем образовании. И если говорить о финансовых затратах, то скорее всего они были сравнительно большими, чем требует новый образовательный переход. А речь идет именно о новом переходе, который в настоящее время выражается кризисом высшего образования.

ФАКТОРЫ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Наступающий (а возможно и уже наступивший) кризис высшего образования все чаще связывают с быстрым ростом расходов и появлением в сети лекций ведущих профессоров ведущих университетов. Первое делает образование менее доступным, а второе — более доступным. Однако ситуация намного глубже и сложнее.

¹ ДонNELли К., Ризви С., Барбер М. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 152–229.

Можно выделить различные экономические, социальные, культурные, демографические и собственно образовательные факторы, которые определяют кризисное (или предкризисное) состояние современных университетов. Однако эти же характеристики можно рассматривать и как факторы модернизационного рывка в образовании. Основными из них являются следующие:

- Повышение технологического динамизма, ведущего к росту технологической и экономической неопределенности в развитии общества. Тем самым существенным образом ограничиваются возможности прогнозирования потребностей рынка труда, что ориентирует университетское образование прежде всего на обеспечение адаптивности, то есть на развитие способностей человека в процессе своей профессиональной карьеры быстро и эффективно реагировать на новые вызовы. Это существенно отличается от образования как овладения профессией (ремеслом).
- Из неопределенности вытекает необходимость обеспечения непрерывности образования и усиления в нем возможности для студента или слушателя выбрать (строить) индивидуальную траекторию. Поэтому важнейшим показателем эффективности университета становится не только (а возможно и не столько) привлечение студентов после средней школы, сколько востребованность его со стороны тех, кто занят активным развитием своей карьеры (mid-career specialists).
- Широкий спрос на высшее образование, позволяющий говорить о переходе к всеобщему высшему образованию. Происходит рост студенческих континентов и/или доли возрастной когорты, идущей в высшие учебные заведения, увеличение среднего возраста студенчества, особенно в развитых странах. Это происходит даже на фоне демографического спада, характерного для ряда развитых стран.
- Увеличение удельного веса работников с высшим образованием в общей численности занятых при одновременном снижении отдачи от высшего образования для

выпускников университетов. Последнее естественным образом вытекает из первого — повышения удельного веса работников с высшим образованием в общей численности занятых.

- Рост издержек университетов и увеличение расходов общества (прежде всего домохозяйств, но в некоторых случаях и государства) на высшее образование. Образование в развитых странах становится все более дорогим, а это ведет и к удорожанию хорошего образования в развивающихся странах. За этим следует обострение дискуссии в обществе о необходимости повышения доли расходов на образование в бюджете и в ВВП, что приходит в противоречие с бюджетным кризисом, характерным в настоящее время для большинства развитых стран.
- Одновременно стремительно развиваются технологии образования, позволяющие повысить его гибкость, обеспечить адаптивность и снизить стоимость образования. Тем самым, напротив, повышается доступность высшего образования. Особое место здесь занимают появление и расширение курсов онлайн в программах университетов, рост самостоятельной работы студентов в общем балансе времени обучения. Все это позволяет в предельном случае сосредоточить основную массу студентов вокруг ограниченного числа лучших университетов и лучших профессоров. Перспективы этой тенденции еще не проявились в полной мере, однако уже сейчас она заставляет пересматривать некоторые важные принципы традиционной системы профессионального образования.
- Интернационализация образования и появление глобальной конкуренции за лучших студентов и лучших профессоров. Это объективно ведет к увеличению доли иностранных студентов в общей численности студентов университетов. Продолжение этой тенденции приведет к возникновению глобального научно-образовательного языка, на который в настоящее время претендует английский. (Точнее было бы говорить о возврате к ситуации единого языка. Однако если в прошлом наличие

универсальной латыни было связано с ограниченностью образования узким слоем населения, то теперь единый язык становится реакцией на мощную демократизацию высшего образования.)

- Быстрый рост среднего класса, связанный с увеличением численности населения с высшим образованием, становится важнейшим результатом и одновременно ключевой детерминантой образовательных систем.
- Потребность в серьезном изменении структуры рабочих мест в связи с изменением образовательного уровня населения (в отличие от требования приведения структуры высшего образования в соответствие с потребностями рынка труда).

Эти особенности достаточно противоречивы и действуют разнонаправленно. Например, удорожание образования вполне сочетается с расширением спроса на него на все общество (всеобщее высшее образование). А последнее, в свою очередь, вполне сочетается со снижением отдачи от получения высшего образования. Перечень противоречий можно было бы продолжить. Но мы хотели бы далее рассмотреть некоторые из перечисленных факторов более подробно.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР, ПРЕВРАЩАЮЩИЙСЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ

В развитых странах сокращается численность молодежи, поскольку население стареет. Но современная модель деятельности университетов сложилась в условиях, когда росло число молодых людей, и все большая их часть шла учиться в университеты. В результате демографического спада у университетов возник избыток «мощностей», поэтому они стали резко наращивать приемы, одновременно снижая требования к абитуриентам. При этом доля возрастной когорты, идущей в вузы, во многих странах превысила две трети. Это можно считать критической точкой, поскольку после нее процесс становится самоподдерживающимся — получение высшего образования превращается в социальную норму.

Если в 30-х гг. XX в. в университеты шло меньше 15% возрастной когорты, в 1970—1980-е гг. — 25–30%, то теперь во многих странах — 70–90%. При этом экономические условия в этих странах могут достаточно сильно различаться, как и роль системы высшего образования в решении стоящих перед ними социальных и экономических проблем. Так, в США в университеты поступает 82% возрастной когорты, в Финляндии — 94%, в Южной Корее — 96%, и одновременно в вузы идет 91% возрастной когорты в Греции — страны с совершенно другими социально-экономическими условиями по сравнению с указанными государствами. Вместе с тем общий тренд состоит в росте доли возрастной когорты, поступающей в университеты (табл. 1).

В Китае за пять лет (с 2008 по 2013 г.) указанная доля выросла с 22 до 26%, а общая численность студентов вузов превысила 30 млн человек. В Индии в университеты пока поступает 15% возрастной когорты (прирост за 5 лет — 2%), но это уже составило больше 20 млн человек. Студенческий контингент Китая и Индии, обучающийся в университетах как своих стран, так и за границей, суммарно равняется, таким образом, 50 млн, что превышает численность студентов всех стран Европы вместе взятых, включая и иностранных студентов европейских университетов.

Таблица 1. Доля возрастной когорты, поступающей в вузы в различных странах, %

	Страна	2006	2013
1	Австралия	73	75
2	Великобритания	64	59
3	Греция	74	91
4	Германия	51	48
5	Дания	67	80
6	Израиль	57	62
7	Испания	62	68
8	Италия	57	67

Окончание табл. 1

	Страна	2006	2013
9	Канада	58	62
10	Литва	73	75
11	Нидерланды	51	63
12	Новая Зеландия	77	79
13	Норвегия	81	76
14	Россия	69	76
15	США	83	82
16	Финляндия	88	94
17	Франция	56	56
18	Южная Корея	85	96
Для сравнения			
19	Бразилия	21	39
20	Индия	12	15
21	Китай	16	26
22	Мексика	22	26

Источник: Мир в цифрах, 2007, 2014.

ПОВЫШЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДИНАМИЗМА

Технологический динамизм не только привел к созданию развитой системы непрерывного образования, сделал образование взрослых постоянной и непреложной потребностью, но и существенно изменил скорость, с которой должны получаться и обновляться знания, причем не только в университетах, но и на всех уровнях образования. Это привело к серьезному напряжению, поскольку образование всегда было инерционной системой, передавая от поколения к поколению не только знания и навыки, но и ценности. Ускорение в данном сегменте социальной деятельности породило и постоянно порождает впечатление эрозии ценностной основы общества и встречает сопротивление со стороны его консер-

вативной части. Во многом современный кризис — это кризис разных скоростей развития технологической структуры экономики и самого общества. Ни общество, ни образование, в том числе высшее, не успевают за происходящими переменами. В ответ на невозможность двигаться с все возрастающей скоростью в обществе поднимается консервативная волна. Особенно остро это выражено в странах, где длительное время изменения были крайне медленными, а потом на них обрушился шквал перемен и социальных, и экономических (прежде всего это постсоциалистические страны).

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Необходимость постоянного переобучения изменяет подход к образованию как к формальной и, что не менее важно, упорядоченной системе. Курсы требуется непрерывно обновлять или менять. Студенты начинают учиться в одних условиях, а заканчивают в других, когда требования к их знаниям и навыкам либо уже изменились, либо меняются, и переучиваться приходится, еще не закончив первоначальное обучение (фактически образование теперь можно на короткий период приостановить, но нельзя закончить). Одновременно в университетах нарастает численность слушателей, которые доучиваются и переучиваются, причем одним нужны короткие программы, а другим более длительные. Выход видится в индивидуализации образовательных траекторий, что порождает серьезные управленческие проблемы в условиях резкого повышения массовости и высшего, и непрерывного образования. По всей видимости, потребуется значительная диверсификация всей системы высшего образования, для того чтобы справиться с нарастающим разнообразием образовательных потребностей. При этом неизбежно возникнет проблема качества образовательных услуг и возможного размывания старых брендов университетов при неустойчивости брендов новых учебных заведений.

Вместе с тем университеты все больше востребованы как учебные заведения, которые позволяют продвинуть или изменить карьеру работника, имеющего высшее образование,

а иногда и два, и даже ученую степень. Это порождает жесткие требования к профессуре, к обучению тех, кто учит, индивидуализации их образовательных траекторий. Занятия наукой, что часто рассматривается как выход в данной ситуации (учить будет сама научная деятельность, общение в научной среде и т. п.), вряд ли всегда позволяет решать указанную проблему. В современных условиях обучение *знающего* может потребовать формирования преподавательских (профессорских) команд, когда слушатель будет одновременно собеседовать со всеми ее участниками. Таким образом, в будущем (причем достаточно близком) мы можем получить инверсию: если раньше в каждый конкретный момент времени один преподаватель учил группу студентов, то вскорости группа преподавателей может обучать одного слушателя. Другими словами, может сложиться ситуация, когда профессуры станет больше (физически), чем слушателей, что потребует изменения всей парадигмы и высшего, и непрерывного профессионального образования, не говоря уже о его финансовой составляющей.

В этом сегменте полностью утратят свое значение нормативы, когда на преподавателя должно приходиться столько-то студентов. При этом могут возникнуть, как ни странно это сейчас звучит, совсем другие нормы: на одного слушателя, имеющего высшее образование, должно приходиться не более столько-то профессоров. Естественно, что внутри одного университета будут действовать и первые нормативы, и вторые, порождая сложные организационно-экономические проблемы.

Можно возразить: и в настоящее время обучение студентов требует команды преподавателей, к профессору добавляются его ассистенты, появляются помощник(и) преподавателя. Но это не противоречит сказанному: растет не только объем информации, но и ее разнообразие, что требует (по закону необходимого разнообразия) роста числа тех, кто ее перерабатывает, в том числе в целях обучения. Но при обучении *знающего* речь идет о другом — о резком возрастании требований к передаваемым знаниям, которым далеко не всегда сможет удовлетворять конкретный человек. Прοобразом данной ситуации является образование аспирантов, когда помимо обсуждений их работы с научным руководителем они

встраиваются в научные коллективы, где в процессе конкретных исследований и ведется их обучение, при этом роль «учителя» выполняет вся исследовательская группа.

РОСТ ИЗДЕРЖЕК УНИВЕРСИТЕТОВ

Одним из основных факторов, который рассматривается как главный риск для будущего университетов, является ухудшение финансовых условий их деятельности. Стоимость обучения студентов быстро растет, что не компенсируется увеличением студенческих контингентов или государственного финансирования. В Европе высшее образование еще 15–20 лет назад практически полностью финансировалось государством. В начале XXI в. на обучение одного студента, например в университете Париж-4, французский бюджет выделял 16 тыс. долл. (по тогдашнему валютному курсу), и это считалось большими деньгами. С ростом контингентов в два раза расходы, если выделять по-прежнему 16 тыс. долл. на студента, также вырастают в два раза, что уже становится весьма затратным для государственного финансирования и требует смены организационно-экономической модели высшего образования. Поэтому в конце 1990-х гг. *европейские* страны стали существенно изменять политику бюджетного финансирования высшего образования, а *европейские* университеты были поставлены перед необходимостью повысить эффективность расходования получаемых государственных средств. Одновременно существенное изменение претерпели образовательные технологии, что было связано с появлением и быстрым развитием компьютерной техники, и особенно Интернета. Оба этих процесса проявились в следующих новых тенденциях и обстоятельствах:

- Произошло резкое сокращение числа лекционных часов.
- Увеличился объем самостоятельной работы студентов.
- Повысилась роль библиотек и электронных средств обучения в учебном процессе.
- Начат переход к модульной системе организации образовательных программ, что повышает их гибкость и по-

зволяет быстро приспособливаться к конкретным потребностям студентов (один и тот же модуль может входить в несколько образовательных программ).

- Сокращается время университетского обучения (европейские университеты перешли на двухуровневую систему высшего образования бакалавриат — магистратура вместо пятилетнего обучения, что позволило более гибко регулировать студенческие контингенты. С учетом докторантуры (третьего уровня высшего образования) организационная схема стала выстраиваться таким образом, что на каждый следующий уровень высшего образования теперь переходит значительно меньшее число студентов, чем было на предыдущем (упрощенно данная схема стала выглядеть так: 100% студентов обучается в бакалавриате, затем одна треть выпускников бакалавриата идет в магистратуру, из которой только одна треть выпускников поступает в докторантуру, т. е. получаем примерное соотношение контингентов по уровням высшего образования 100:33:11). Бакалавриат в большинстве европейских стран был сокращен до 3 лет, магистратура варьируется от одного года до двух, докторантура также стала включать в себя промежуточные ступени, которые позволяют получать «неполные» степени, если времени или денежных средств не хватает на прохождение полного докторантского курса (во многих европейских странах докторантура стала полностью или частично платной).
- Развитие Болонской системы в Европе также направлено на снижение финансового бремени университетов за счет концентрации ресурсов и развития сетевого взаимодействия. Фактически стали возникать пространственно распределенные университеты, когда к уникальным профессорам студенты могли съезжаться из всех европейских университетов (повышение студенческой мобильности) или профессор мог читать лекции (авторский курс) в нескольких университетах (преподавательская мобильность). Кроме того, началось формирование системы общественной финансовой поддержки университетов за счет развития университетских эндау-

ментов и одновременно усилилась дифференциация вузов по наличию указанных фондов целевого капитала, их величине и направлениям расходования средств.

- Постепенное введение в Европе платы за высшее образование, преимущественно в виде целевых взносов, которые студенты теперь платят на каждом курсе. Так, в Великобритании сразу после начала в 1997 г. реформы Дилинга целевой взнос был установлен в £1,000 (тогда \$1,650), который в 2012 г. уже вырос до £9,000 (\$13,900)¹.
- Одновременно сокращается стипендиальная поддержка студентов из малообеспеченных семей, которая переводится в форму льготных студенческих кредитов. В той же Англии это привело к парадоксальному результату: резко сократилось число студентов из малообеспеченных семей, проживающих в университетских кампусах, они предпочли не брать кредиты, а жить дома и учиться в ближайших к их месту жительства университетах. В итоге снизилась доступность престижных университетов для этой категории студентов (это негативно отразилось на работе социальных лифтов в данной стране, а также нанесло существенный вред английским традициям, когда молодые люди, обучающиеся в вузе, не должны жить с родителями), но, что не менее важно, многие университеты потеряли значительные средства, взимаемые за проживание студентов в кампусах (а также за многие сопутствующие этому проживанию услуги), что негативно отразилось на их финансовом положении.
- Резко усилилась конкуренция университетов за иностранных студентов, поскольку их обучение в большинстве европейских стран является платным. В итоге, например, многие немецкие студенты вынуждены учиться в Австрии, так как в Германии университеты предпочитают брать иностранцев.

В США высшее образование платное, хотя система грантов и стипендий позволяет значительному числу студентов

¹ The future of universities. The digital degree. The staid higher-education business is about to experience a welcome earthquake. Jun 28th 2014.

учиться практически бесплатно. Однако несмотря на развитую систему распределения затрат между участниками образовательного рынка¹, расходы значительного числа семей на обучение детей в университетах стремительно растут, как и растет в целом задолженность по образовательным кредитам. В престижных университетах США плата за образование достигла 40–50 тыс. долл. в год, что вкупе с расходами на проживание в кампусах становится весьма тяжелым финансовым бременем для американских домохозяйств. В результате средний класс (особенно после кризиса 2008 г., когда существенно снизилась стоимость жилья вследствие ипотечного кризиса, а под залог жилья брались образовательные кредиты) все более отчуждается от высококачественного образования, которое позволяет претендовать на высокооплачиваемую работу. Это уже привело к тому, что в ведущих университетах США начинают превалировать студенты из высших слоев американского общества, а также из малообеспеченных семей, которые получают стипендии и гранты, и иностранные студенты, которым в ряде случаев оказывается помощь международных фондов и даже правительства США. Вместе с тем положение этих университетов во многом облегчается тем, что они получают крупные заказы от американских компаний на исследования и разработки и имеют большие эндаументы. Так, эндаумент Гарвардского университета превысил 31,7 млрд долл. (2012 г.); для сравнения эндаумент Кембриджа составляет 4,3 млрд фунтов (2012 г.). В целом, как отмечают американские исследователи, студенты ведущих университетов США получают значительно большие (относительно) субсидии на свое образование, чем студенты остальных американских вузов. Тем не менее их собственный финансовый вклад в получение высшего образования весьма велик. Одновременно эти данные говорят о том, что хорошее высшее образование в США становится крайне дорогим и постепенно, как уже от-

¹ См.: *Bruce Jonstone. The Financing and Management of Higher Education: A Status Report on Worldwide Reforms / State University of New York at Buffalo. 1998.*

мечалось, все более закрытым для молодежи из низших и средних слоев среднего класса.

Еще одной особенностью американской системы высшего образования стало выкладывание в сеть Интернет (в открытый доступ) лекций ведущих профессоров крупнейших университетов. Хотя многие исследователи считают, что появление онлайн-курсов ведет к снижению роли традиционных университетов¹, представляется, что это не совсем так — открытые лекции служат рекламой этих вузов. Кроме того, возникновение такого рода программ позволяет американским университетам высшей лиги «пристегнуть» к себе слушателей во многих странах, обеспечивая повышение рейтинга американской системы высшего образования в целом и привлечение в нее иностранных студентов. Несмотря на то что в последние годы доля США по численности иностранных студентов сократилась до 18%, доля средств, которые американские университеты получают от этих студентов в виде платы за обучение, превышает 33% всех средств, которые иностранные студенты платят в вузах других стран (доля ЕС составляет 29,3%, доля России — 0,7%)² — рис. 1.

При этом получение платы за сертификацию знаний, на которую делают ставку многие американские онлайн-университеты, хотя и позволяет им зарабатывать неплохие деньги — большого значения для системы высшего образования США не имеет. Следует отметить, что появление в середине 1980-х гг. открытых университетов также сначала воспринималось как вызов традиционной системе высшего образования, но потом вписалось в нее в качестве некоторого дополнительного элемента.

В целом, как и было предсказано, в Европе и США идет интенсивное распределение (и одновременно перераспределение) издержек (затрат) на получение высшего образования между государством (бюджетное финансирование, стипендии, заказы государства на научные исследования, льготиро-

¹ The future of universities. The digital degree The staid higher-education business is about to experience a welcome earthquake. Jun 28th 2014.

² Рассчитано по: Education at a Glance. 2014. OECD, 2014.

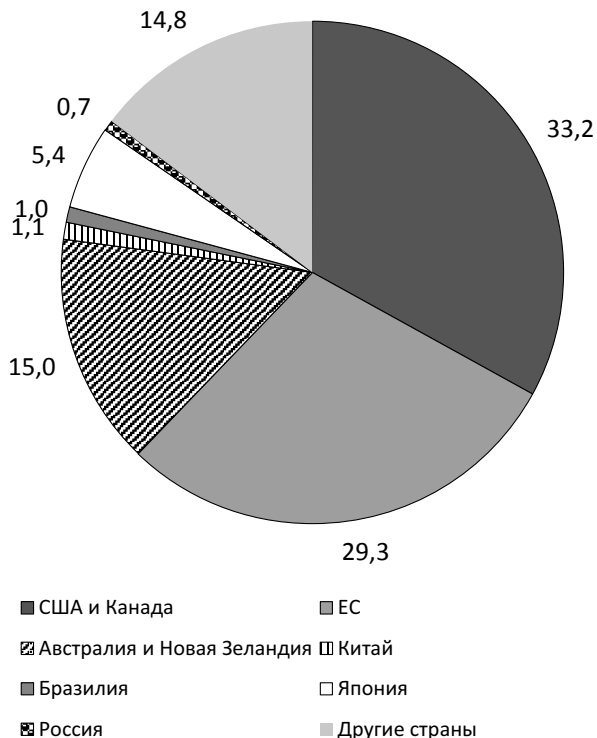

Рис. 1. Доля мирового рынка образования по доходам от иностранных студентов, %

вание ставки по образовательным кредитам, погашение образовательных и/или студенческих кредитов (кредитов на сопутствующие нужды) при выборе не очень престижных мест работы или работы в отдаленных районах т. п.), обществом (гранты различных фондов, эндаументы, заказы различных фондов и бизнеса на научные исследования и разработки и др.), домохозяйствами (плата за образование и сопутствующие услуги) и собственно индивидами, получающими высшее образование (возврат образовательных и сопутствующих кредитов после начала трудовой деятельности).

В принципе эта система распределения затрат должна была быть устойчивой, поскольку предусматривала множество ис-

точников финансирования высшего образования, а также распределение расходов во времени. Однако начавшийся в 2008 г. экономический кризис показал ее уязвимость, впрочем как и уязвимость всех остальных подсистем экономики и общества (институтов современной экономики и общества). И так же как и экономика, система высшего образования вошла ныне в эпоху турбулентности. Ощущение возникшей неопределенности в стабильном получении финансовых средств приводит, в частности, к тому, что несмотря на все механизмы защиты от коррупции и неэффективного использования поступающих в университеты финансовых и иных ресурсов (попечительские и наблюдательные советы, советы директоров, независимые аудиторские проверки и требование полной финансовой прозрачности), идет концентрация финансовых средств на определенных этажах управленческой иерархии университетов, поскольку повсеместно появилось ощущение временности процветания (см., например: [Дим 2004]). Еще одним проявлением психологии временщиков становится быстрый рост заработной платы профессуры в ущерб развитию материальной базы университетов и их инфраструктуры. Это не столько отражение важности накопления человеческого капитала (высококвалифицированных преподавателей) в высшем образовании, сколько выражение неуверенности в будущем. Другими словами, нарастание неопределенности ведет к заметному ухудшению качества управленческих решений (или выявляет нехватку профессионализма у университетских управленцев¹), в результате чего система сама лишает себя заделов в среднесрочной, не говоря уже о долгосрочной, перспективе.

¹ Здесь в принципе проявляется стремление к пролонгации предшествующих тенденций: если длительное время все было стабильно и шел рост, в том числе объемов поступающих в университеты ресурсов, то можно было не слишком наращивать управленческие компетенции. Смена тренда выявляет возникший дефицит профессионализма, который усугубляет возникшую негативную тенденцию. Это, в свою очередь, порождает негативные ожидания (теперь уже пролонгация негативных тенденций) и еще большую неэффективность в использовании ресурсов, включая рост коррупции и элементарного воровства.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА

При рассмотрении будущего университетов нередко связь происходящих перемен с состоянием рынка труда не рассматривается. Между тем эти явления взаимосвязаны. Прежде всего в последние годы в большинстве развитых стран наблюдается быстрый рост доли населения с высшим образованием (в США 42%¹, Канаде 51%, Израиле 46%, Японии 45%, Великобритании 38%, Финляндии 37%², в Китае доля занятого населения с высшим образованием приближается к 33%, Индия сможет увеличить долю рабочих с высшим образованием до 88 млн человек в ближайшие два десятилетия³). В результате начинает снижаться отдача от высшего образования. На фоне роста издержек для домохозяйств, это может стать сдерживающим фактором дальнейшего увеличения доли возрастной когорты, идущей в вузы, ее удержания на уровне 50–70% (вместо 75–90% в настоящее время в США и ряде развитых стран — см. табл. 1).

Вместе с тем образование играет еще одну роль по отношению к рынку труда — это демпфирование массовой, прежде всего молодежной, безработицы, когда система, в первую очередь, формального образования должна вовлекать в себя как можно большую часть молодежи (формирование социальных сейфов). Здесь во многом возникает конкуренция между системой общего и высшего образования для тех стран, где высшее образование становится практически всеобщим. Школьное образование во всех странах становится все более продолжительным. Это пытаются объяснить ростом объема информации (знаний), который должен усвоить сегодняшний школьник. Но если рассматривать компетентностный подход, который в настоящее время становится ведущей педагогиче-

¹ В США доля занятых в экономике с высшим и неполным высшим образованием составляет 54%.

² <http://www.rate1.com.ua/obshchestvo/obrazovanie/2342/>

³ Исследование консалтинговой компании *McKinsey* «Мир на работе: рабочие места, зарплата и навыки для 3,5 млрд человек» (см.: <http://www.kommersant.ru/pda/ogoniok.html?id=1977181>).

ской технологией, то на первый план выходит умение учиться, искать информацию, а не механическое накопление знаний. Более адекватной представляется концепция, согласно которой удлинение сроков школьного образования связано с необходимостью накопления социальных компетенций, которая обусловлена переходом к сервисной экономике с одной стороны и к инновационной экономике — с другой.

Развитие сервисной экономики требует освоения коммуникативных навыков, поскольку ведет к росту межличностного общения (в России этим во многом объясняют важность получения даже не очень хорошего высшего образования), индивидуализации широкого спектра услуг (в том числе в образовании, здравоохранении, социальном обслуживании и др.). Развитие инновационной экономики, сложных технико-технологических систем, повышение риска техногенных катастроф, использование уникального, дорогостоящего оборудования требует социально зрелого, ответственного работника. В связи с этим растет возраст первого выхода работника на рынок труда.

Соответственно, длительность пребывания молодых людей в школе большинства развитых стран увеличивается с 12 до 13 и даже 14 лет. Если после окончания школы практически все выпускники школ поступают в университеты, то может возникнуть выбор — где наращивать сроки обучения — в школе или университете. Пока еще этот выбор делается в пользу школ, но этому есть предел: общее представление состоит в том, что в школе учатся дети и подростки (тинейджеры), соответственно, с 20 лет предпочтительнее и учить, и «хранить» молодежь в высшей школе, хотя бы так обозначая выход молодых людей из детства. В этом отношении упомянутая выше тенденция, когда студенты продолжают жить дома, а не в университетском кампусе, приводит к обратной ситуации более позднего взросления вследствие отложенного начала (хотя бы номинального) самостоятельной жизни.

Можно предположить, что предельная длительность пребывания молодежи в школе составляет 14–15 лет, после чего выбор начнет делаться в пользу университетов. В этой связи все последние годы шла борьба за сокращение сроков пребы-

вания в высшей школе — как уже было отмечено, введение бакалавриата и магистратуры во Франции и Германии вместо пятилетнего обучения позволило хотя бы частично сократить численность студентов университетов, т. к. на вторую ступень переходит лишь часть (обычно не более одной трети тех, кто окончил бакалавриат). Однако в недалеком будущем мы сможем наблюдать обратную тенденцию. В США она уже в полной мере проявляет себя — средний возраст американских студентов превысил 26 лет. Одновременно происходит увеличение и доли выпускников магистратуры, идущих в докторантуру, при этом на третьем уровне высшего образования средний возраст обучающихся уже приближается к 31 году.

Таким образом, если финансовые показатели работают на ограничение роста студенческих контингентов, то потребности рынка труда, задача сокращения молодежной безработицы, напротив, работают на удлинение сроков обучения в университете и увеличения доли возрастной когорты, идущей в вузы.

Но удлинение сроков обучения, выход на рынок труда социально зрелого работника, имеющего высшее образование, меняет требования к структуре и качеству рабочих мест. И страна, которая не сможет подстроить свою экономику и социальную сферу под новый тип работника, будет этих работников терять. При этом «утечка умов» в новых условиях может привести и к деградации в этой стране университетов, поскольку профессура, которая выучила работников для другой экономики вполне в состоянии последовать за своими учениками.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС

Если еще 15–20 лет назад получение высшего образования в большинстве случаев автоматически вело к повышению социального статуса его обладателя, то в последние годы ситуация стала меняться. Как только высшее образование перестает быть относительной редкостью, оно перестает и сильно повышать статус того, кто потратил долгие годы на его получение. Это не означает, что на рынке труда произойдет резкое обес-

ценение высшего образования¹. Можно предположить, что в развитых странах в среднесрочной перспективе высшее образование (или по крайней мере его низший уровень — бакалавриат) перейдут в разряд обязательного образования, как в свое время это произошло с полным средним образованием, а маркером повышенного уровня и более высоких уровней заработной платы станет получение магистерской степени, а затем и докторской (PhD)².

Вместе с тем в какой-то момент придется пересматривать всю систему уровней образования: сейчас трудно предсказать тот уровень образования и тот социальный статус, который «потеснит» докторскую степень. Но уже сейчас можно предполагать, что широкое распространение второй докторской степени — это вопрос времени, она на деле сохраняется в Германии и Франции (хабилитованный доктор наук), «пробивается» в Великобритании. Представляется, что и в других странах Европы, а также в США и Канаде это также в достаточном скором времени станет актуальным³.

Как превращение высшего образования практически в обязательный атрибут рабочей силы скажется на положении (самом определении) среднего класса, в настоящее время сказать трудно. Понятно только, что средний класс, который увеличится до 80–85% всего населения развитых стран — это

¹ Правда, в СССР такое в последние годы его существования и наблюдалось, сколько бы теперь не говорили о высоком качестве высшего образования в советское время: инженер или научный работник могли получать значительно меньше «простого» рабочего, и это никак не было связано с идеологическими догмами, а определялось структурой рабочих мест и перепроизводством относительно этой структуры работников с высшим образованием.

См.: Комплексная программа НТП в СССР до 2005 года, том «Социальные проблемы, повышение народного благосостояния и развитие культуры в СССР». М., 1981.

² Представляется, что бум защит диссертаций чиновников и предпринимателей в России явился отражением именно этой тенденции. Из-за массовости высшего образования обладание им перестало быть показателем квалификации или социального статуса.

³ В США и Канаде большее значение, чем в Европе, имеет университетское звание профессора, особенно полного профессора, который уже не переизбирается, а сохраняет свое место до выхода на пенсию (tenure).

принципиально другой средний класс по сравнению с нынешним. А это означает, что по мере увеличения доли населения с высшим образованием социальная структура общества должна будет существенно поменяться.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПОЯВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ ЗА ЛУЧШИХ СТУДЕНТОВ И ЛУЧШИХ ПРОФЕССОРОВ

Высшее образование стало, по сути дела, первым уровнем образования, который стал реально отражать глобальные процессы, идущие в мировой экономике. Болонский процесс и формирование единого европейского пространства высшего образования стали следствием развития единого европейского рынка труда. Соответственно, в любой точке ЕС работодатель, нанимая выпускника университета на работу, должен понимать, какого специалиста он приобретает. Одновременно студент из любой страны Евросоюза, поступая учиться, рассчитывает, что по окончании университета он сможет найти работу не только в своей стране, но и в других государствах ЕС.

В принципе это ведет к унификации программ, методов оценивания достижений обучающихся и качества образования. В то же время нарастает конкуренция не только самих университетов за студентов и слушателей, за которыми в той или иной форме «следуют деньги», но и за преподавателей, поскольку уже само имя профессора может привлечь тех, кто захочет у него учиться. При этом нарастает конкуренция и между странами, и даже континентами: США и Канада конкурируют с ЕС и за студентов, и за профессоров: за студентами, как уже отмечалось, идут деньги, за профессорами — надежды на получение научных грантов, увеличение эндаументов, а также повышение места университета в мировых рейтингах. В настоящее время к этому соперничеству активно подключаются Япония и Китай, включая Гонконг, Тайвань, Индия, Сингапур, или шире — Азия, а Австралия и Новая Зеландия уже давно держат примерно 10% потоков иностранных студентов. В Латинской Америке также склады-

вается достаточно мощный сектор высшего образования, в который входят Чили, Бразилия, Мексика и Аргентина. На Ближнем Востоке и в Африке можно говорить об университетах Израиля, Египта, ЮАР.

Глобальный характер образования, как и науки, требует единства языка, но пока эта роль распределяется между (ожидаемо) английским и испанским (Испания, Португалия, Латинская Америка). Вместе с тем экспансия английского языка в испанский ареал уже вполне заметна.

ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕХНОЛОГИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Как уже было отмечено, развитие онлайн-образования становится важным маркером изменений в деятельности университетов. Рост издержек традиционной передачи знаний и развитие значительно более дешевых средств обучения, которые одновременно могут обеспечить доступ к высшему образованию практически всех желающих, рассматриваются в качестве основных могильщиков значительной части существующих в настоящее время университетов. Так, журнал «Экономист»¹ прогнозирует, что в недалеком будущем (на протяжении 15–20 лет) закроется до половины американских университетов. Представляется, что этому прогнозу не суждено сбыться. Другое дело, что это будут, конечно же, другие университеты, роль которых в системе образования существенно изменится: они станут площадками социализации и социального общения, поскольку доля самостоятельной работы в обучении также имеет пределы, а слово «сознание» расшифровывается как «совместное знание», что предполагает совместное действие по получению этого знания.

Можно, конечно, предположить, что все студенты будут сидеть у себя дома (в разных странах на разных континентах) за компьютерами и вести дискуссии в виртуальных аудиториях (голографические видеоконференции). Это позволит университетам избавиться от кампусов и значительной части

¹ The future of universities. The digital degree The staid higher-education business is about to experience a welcome earthquake. Jun 28th 2014.

инфраструктуры, что значительно облегчит их финансовое бремя. Но думается, что все не так просто. Уже были попытки посадить работников по домам и контролировать их работу посредством компьютеров. Но потом пришлось их собирать в офисах, иначе нельзя было выстроить корпоративную культуру, да и производительность труда таких работников через некоторое время начинала падать. Оказалось, что работникам необходимо ощущение совместного действия, межличностное общение, включая чаепития и праздники.

Как подчеркивают многие критики онлайн-обучения, «университетское образование создает социальный капитал. Студенты обучаются дискутировать, презентовать себя, заводить контакты и образовывать контакты. Как виртуальные колледжи обеспечат все это?»¹.

Некоторый ответ на это состоит в том, что для удешевления обучения онлайн-курсы могут использоваться на начальных этапах (первый год обучения) получения высшего образования (вводные лекции и занятия), затем два года студенты обучаются очно в университетских аудиториях, а затем учатся опять онлайн и работают. К сожалению, этот подход не учитывает необходимости удержания молодежи в университетах все более длительное время, чтобы снизить давление на рынок труда.

ВЕКТОРЫ ПЕРЕМЕН

Ощущение кризисности в развитии университетов во многом связано с ростом неопределенности внешней среды, которая их окружает.

Рост издержек университетов происходит одновременно с сокращением государственного финансирования, а расширение платного образования сдерживается ограничением образовательного кредитования. В результате вводятся новые технологии обучения, которые существенно снижают затраты, но одновременно позволяют создавать структуры, которые становятся конкурентами традиционных университетов.

¹ The future of universities. The digital degree The staid higher-education business is about to experience a welcome earthquake. Jun 28th 2014.

Необходимость оптимизировать затраты толкает университеты к сокращению сроков обучения, а потребности рынка труда требуют, напротив, их увеличения. Того же требует повышение пенсионного возраста для работающих, в то время как молодежь теряет в доходах и все больше вынуждена жить за счет старшего поколения, а выходя позже на рынок труда, позже заводит семью, которая становится все более малодетной, вплоть до отказа многих пар заводить детей. Получаем порочный круг социальной политики, в который невольно втягиваются университеты.

Лучшие профессора размещают свои лекции в Интернете, что позволяет повышать качество образования и снижать затраты, но в то же время ставят под удар всю профессорскую корпорацию, поскольку те, кто не вышел в онлайн, теряют аудиторию.

Переход к фактически всеобщему высшему образованию приводит к тому, что оно теряет сигнальную функцию, как ранее эту функцию утратило среднее образование: его наличие уже ничего не говорит работодателю (скорее, говорит отсутствие такового). Соответственно, возникает потребность наращивать уровни высшего образования, восстанавливать фильтры, а это ведет к его удорожанию.

Таким образом, в новых условиях нельзя рассматривать изолированно развитие собственно образования, организационно-экономических форм его «доведения» до потребителя образовательных услуг, а также состояние и тенденции развития рынка труда. Вне социально-экономического контекста тенденции в самом университетском образовании могут быть неверно оценены и стать основанием неэффективной образовательной политики.

2. Российские тенденции

КОНТЕКСТ

В последние годы в мире активно ведется дискуссия о будущем университетов, или более широко — о будущем высшего образования¹. В значительной мере толчком к обсуждению этих проблем стал глобальный кризис, начавшийся в 2008 г. Этот кризис, аналогично кризисам 30-х и 70-х гг. XX в., носит структурный характер и предполагает существенные изменения в технологических, экономических, социальных принципах функционирования современных развитых обществ. Смена социально-экономической модели неизбежно должна была поставить вопрос о смене модели профессионального, и прежде всего высшего, образования.

Образование — это формирование человеческого капитала, который в современном мире становится ключевым фактором производства. Нарращивание этого капитала стало задачей последних нескольких десятилетий. В результате в большинстве развитых стран доля работников с высшим образованием быстро росла. Однако снижение темпов экономического роста с одной

¹ The future of universities. The digital degree. The staid higher-education business is about to experience a welcome earthquake. Jun 28th 2014. См. также главу 1 настоящего доклада.

стороны и рост производительности труда — с другой может привести к тому, что численность имеющих высшее образование станет превышать наличие высокотехнологичных рабочих мест, мест интеллектуального труда.

Одновременно с этим увеличивается разрыв между потребностями экономики в наличии высококвалифицированных кадров и возможностью системы образования адекватно реагировать на эти потребности. Причем речь здесь идет не столько о выпускниках бакалаврских программ, сколько о способности вузов обеспечить адекватную переподготовку («тонкую настройку») специалистов в магистратуре и на программах профессиональной переподготовки.

Увеличение продолжительности жизни в развитых странах и, соответственно, более поздний выход работников на пенсию привели к тому, что стали расти сроки пребывания молодого поколения сначала в школе, а затем и в университете. Но даже удлинение сроков получения высшего образования не могло спасти значительную часть молодежи от безработицы¹. В конечном итоге стала падать отдача от университетского диплома, особенно если его получение дорого обошлось выпускнику. Пока еще указанная отдача выше отдачи от более низких уровней профессионального образования, но вектор медленно, но меняется. Экономический кризис и связанный с ним рост безработицы еще более обнажили нарастающие проблемы, но до сих пор не предложено их решения даже на концептуальном уровне. Однако все отчетливее становится ощущение кризисности сложившейся модели и всей системы высшего образования, и университетов.

В самой системе высшего образования нарастающий кризис осознается в иных терминах, причины неизбежных перемен в ее функционировании видятся в:

- 1) быстром росте издержек университетов;
- 2) появлении так называемых МООС — массовых онлайн-новых открытых курсов, которые за небольшую плату

¹ Во многих европейских странах молодежная безработица составляет 20–25% от общей численности молодых людей, имеющих профессиональное образование.

обеспечивают доступ к лекциям ведущих профессоров и, что не менее важно, сертификацию знаний тех слушателей, кто прошел всю программу обучения¹.

Рост издержек университетов, в первую очередь занимающих лидерские позиции, связан с тем, что их дальнейшее расширение требует больших вложений (новые кампусы и т. п.), а их престиж — установления высоких заработных плат профессуре. Соответственно, в новых условиях или государство не может позволить себе все увеличивающихся расходов на высшее образование (казус Западной Европы), или студенты не могут платить все больше и больше за получение престижного университетского диплома (казус США). При этом одновременно растут невыплаты (невозвраты) по образовательным кредитам, что серьезно усложняет положение банков, которые долгое время обслуживали данный рынок².

Появление МООС представляет собой предельное выражение массовизации высшего образования: каждый желающий может теперь прослушать лекции известных профессоров в Интернете, причем для этого не надо набирать высоких баллов на экзаменах и/или платить значительные деньги.

Высшее образование, став сверхмассовым, практически всеобщим за счет новых технологий доставки знаний, одновременно начинает терять свою ценность (как приращение человеческого капитала) или перестает играть роль фильтра, который пропускал бы только ограниченное число способных и талантливых молодых людей на высший уровень получения профессиональных знаний и компетенций, что потом обеспечивало бы этому ограниченному контингенту престижные и высокооплачиваемые рабочие места (а это, в свою очередь, становилось мерой их человеческого капитала).

В принципе ситуация экономически более чем понятна — ресурс становится все менее ограниченным, соответственно, его цена (в данном случае — заработная плата) падает. Воз-

¹ The future of universities. The digital degree. The staid higher-education business is about to experience a welcome earthquake. Jun 28th 2014.

² Доннелли К., Ризви С., Барбер М. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 152–229.

никает потребность в новых фильтрах, а следовательно, и в других моделях как высшего образования в целом, так и университетов (или того, во что они будут преобразованы, если будут).

Пока все обсуждения будущего университетов сводятся к тому, что неопределенность в данной сфере растет, кризис неизбежен и к нему стоит готовиться заранее. Мы еще только ищем контуры будущей дорожной карты, которая помогла бы найти выход из тупиков. Разумеется, пока мировая экономика не перейдет в новое состояние, пока не установятся с ясностью ее основные контуры, шансы на выработку новой модели высшего образования останутся весьма ограниченными. Но это лишь усиливает необходимость уже сейчас пытаться понять, что происходит в системах высшего образования разных стран и что ждет университеты этих стран в ближайшем будущем. Не является исключением и Россия.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ — НЕМНОГО ИСТОРИИ

Россия за 20 лет прошла в высшем образовании тот путь, на который многим странам потребовались десятилетия. В 1992 г. в России было 2,8 млн студентов, в 1994 г. — их число снизилось до 2,4 млн. Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 1996 г., ныне утративший силу в связи с принятием нового закона «Об образовании в Российской Федерации» (273-ФЗ от 29.12.2012), устанавливал нижнюю границу числа студентов, обучающихся в государственных и муниципальных вузах на бюджетной основе, в размере 170 человек на 10 000 человек населения России.

Этой нормой тогдашний законодатель пытался закрепить именно указанную численность бюджетных студентов в 2,4 млн человек, т. е. ту их численность, которая тогда была в наличии, как минимальную для российской системы высшего образования. Никто в тот момент не мог себе даже представить, что в 2008 г. студенческий контингент при сокращении численности населения достигнет 7,5 млн человек, число государственных вузов вырастет до 660 (в 1991 г. их было 514),

а негосударственных — до 474. При этом число вузовских филиалов превысит 1,5 тысячи, из которых более чем две трети будут филиалами государственных вузов (табл. 2).

Таблица 2. Число вузов и филиалов вузов в РФ в 1990/91–2013/2014 учебных годах

	Вузы — всего	Государ- ственные и муници- пальные вузы	Част- ные вузы	Филиа- лы — всего	Филиа- лы гос. и мун. вузов	Филиа- лы частных вузов
1990/91	514	514
1995/96	762	569
2000/01	965	607	358
2005/06	1068	655	413	1619	1100	519
2006/07	1090	660	430	1646	1114	532
2007/08	1108	658	450	1701	1135	566
2008/09	1134	660	474	1663	1102	561
2009/10	1114	662	452	1637	1066	571
2010/11	1115	653	462	1668	1069	599
2011/12	1080	634	446	1639	1045	594
2012/13	1046	609	437	1603	1013	590
2013/14	969	578	391

Источник: Росстат.

Если в 1991 г. в вузы поступало 30% возрастной когорты, то в 2008 г. уже 69%, а в 2013 г. — 76%¹. Вместе с тем в 1991 г. все студенты вузов учились за счет бюджетных средств, в 2008 г. таких было 38%, в 2013 г. — 39%. Именно в 2013 г. произошло возвращение к тому, что почти 30% возрастной когорты учится на бюджетной основе ($76\% \times 39\% = 29,6\%$ возрастной когорты, обучаемой за счет бюджетных средств, в 2008 г. на пике контингентов за счет бюджета училось только 26,2%

¹ Мир в цифрах. М.: Олимп-Бизнес, 2014.

возрастной когорты). Таким образом, длительное время доступность бесплатного высшего образования снижалась при росте общей доступности высшего образования и только после 2008 г. стала вновь расти.

Общий рост доступности высшего образования обеспечивался, прежде всего, за счет увеличения платного контингента, а также путем быстрого наращивания численности студентов заочной формы обучения при сокращении, хотя и сохранении, очно-заочной (вечерней) формы и небольшом развитии экстерната (рис. 2 и 3).

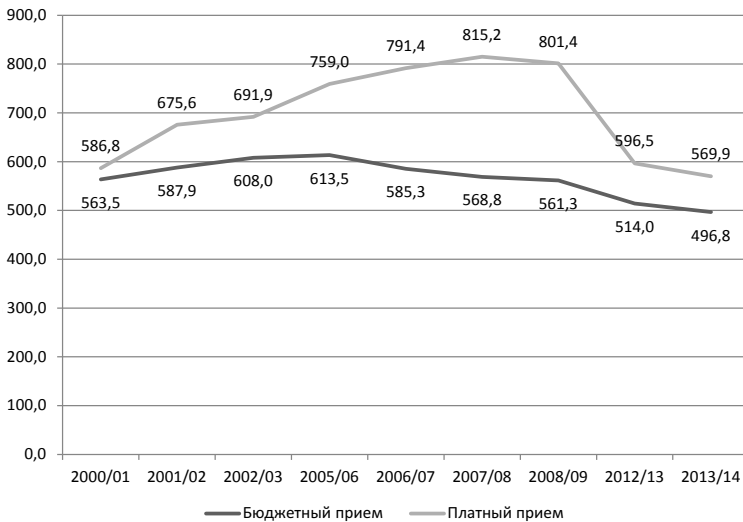

Рис. 2. Динамика бюджетного и платного приемов в вузы в 2000/01–2013/14 учебных годах

Источник: Росстат.

В связи с тем что неочные формы получения высшего образования составили в 2013 г. по численности студентов почти 54% (рис. 4), можно предположить, что переход в онлайн-режим в России для студентов-заочников, вечерников и экстернов не будет иметь особого значения — большинство из них и так учатся фактически самостоятельно, при этом

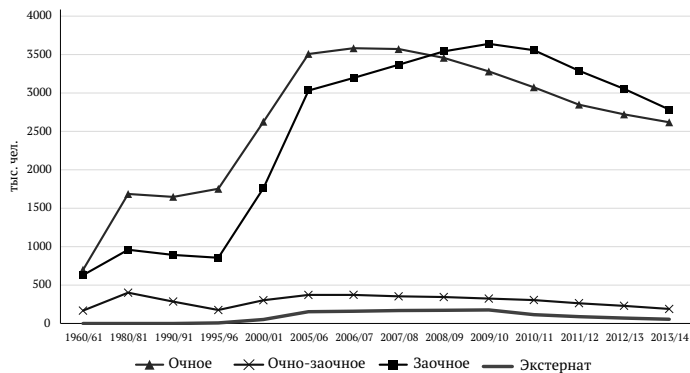

Рис. 3. Численность студентов различных форм обучения в 1960/61–2013/14 учебных годах в РСФСР и РФ, тыс. чел.

Источник: Росстат.

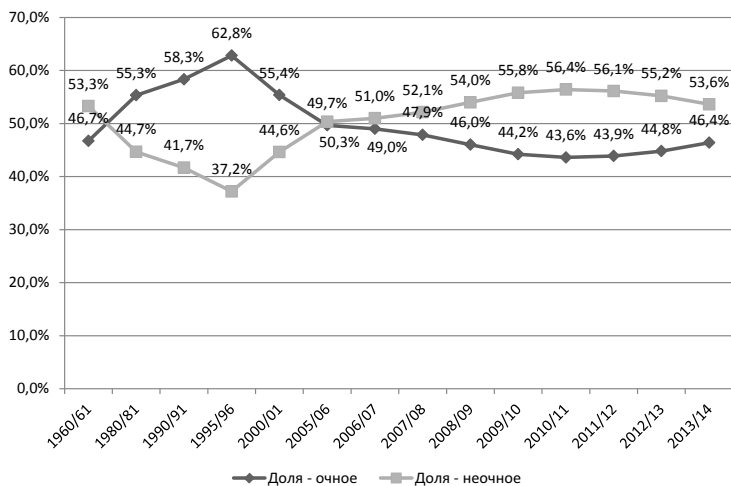

Рис. 4. Доли студентов, обучающихся очно и неочно, в 1960/61–2013/14 учебных годах в РСФСР и РФ¹

Источник: Рассчитано по данным Росстата.

¹ Как нетрудно видеть, в настоящее время по долям очного и неочного обучения ситуация схожа с началом 1960-х гг. После этого доля неочного высшего образования снижалась вплоть до 1995/96 учебного года, поскольку качество неочного образования считалось значительно более низким, чем очного, а потом быстро стало расти.

не прослушивая лекций ведущих российских ученых и профессоров. Но для многих вузов данный переход станет сильнейшим ударом по модели их экономики¹.

До 1995 г. доля неочного высшего образования снижалась примерно с половины до трети (см. рис. 4), поскольку оно считалось менее качественным, но с 1996 г. стало стремительно расти, что поддерживалось появлением значительного числа негосударственных вузов, которые в основном осуществляли свою деятельность в заочной форме. Нехватка бюджетного финансирования в 1990-е гг. подтолкнула к увеличению численности заочников и государственные высшие учебные заведения. В настоящее время заочно в основном учатся дети из низко- и среднедоходных слоев населения, которые не поступили на бюджетные места, а платить за быстро дорожающее очное образование не могут².

Другим источником повышения спроса на заочное образование стала необходимость переподготовки с целью адаптации к новым требованиям рынка труда, которые сопровождали посткоммунистическую трансформацию. Отчасти рост заочного высшего образования был связан и с потребностью получения государственно установленного диплома при перемене сферы деятельности в рамках профессиональной карьеры, что было обусловлено отсутствием других (кроме высшего образования) государственно сертифицированных документов.

Следует также отметить, что учеба как таковая не интересует примерно треть неочных студентов из их общей численности, их интересует диплом, поскольку в России в настоящее время наличие у молодого человека высшего образования

¹ Развитие МООС, как считается, приведет к закрытию почти половины вузов в США. Представляется, что в России последствия не будут столь значительными (да и в США, на наш взгляд, столь массивного сжатия сети университетов не произойдет), если, конечно, государство не создаст несколько заочных вузов-гигантов, чтобы контролировать качество заочного образования, как нередко предлагается.

² *Озерова О.К., Угольнова Л.Е.* «Заочное образование: особенности формы обучения, мотиваций и стратегий студентов» // Информационный бюллетень «Мониторинг экономики образования». 2013. № 9 (72).

и населением, и работодателями рассматривается как социальная норма (табл. 3 и 4, рис. 5). Этот переход произошел на переломе веков и с тех пор превратился в самоподдерживающийся процесс: большинство родителей боятся, что их сочтут «плохими» родителями, если они не обеспечат своим детям поступление в вуз (а хорошие родители еще должны «поступить ребенка» на бюджетное место¹ и в престижное высшее учебное заведение).

Таблица 3. Влияние образования и дохода родителей на их желание, чтобы дети получили высшее образование

Среднедушевой доход	Образование родителей, %		
	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Высшее
Низкий	81	87	96
Средний	80	90	94
Высокий	94	92	98
Всего	82	89	96

Источник: ФОМ, 2000 г.

Таблица 4. Образовательные притязания родителей старшекласников в зависимости от региона проживания, %

Регион проживания	Образовательные притязания (число респондентов, %)						
	Как получится	Общее среднее	НПО	СПО	ВПО	Ученая степень	Всего
Москва	6,8	0,0	0,4	10,0	80,0	2,8	100
Нижний Новгород	16,0	0,8	1,2	10,4	70,8	0,8	100
Вологда	12,8	0,5	0,5	11,2	72,9	2,1	100
Иваново	3,2	0,8	0,4	8,0	86,7	0,8	100
В целом по выборке	9,5	0,5	0,6	9,8	78,0	1,6	100

Источник: ЦЭНО РАНХиГС.

¹ Правда, в последнее время этот мотив становится менее сильным.

Рис. 5. Предпочтения родителей по поступлению их детей в вузы, %

Источник: Мониторинг экономики образования (далее — МЭО).

Притязания родителей не сильно различаются в зависимости от региона, где проживает семья (табл. 4).

При этом почти 70% родителей готовы платить за образование детей в вузе и только 18% родителей считают, что их ребенок будет учиться в высшем учебном заведении, лишь поступив на бюджетное место, а 13% не определились со своей позицией в данном вопросе (рис. 5).

Работодатели же предпочитают брать работников с высшим образованием, поскольку на фоне его получения практически всеми выпускниками 11 класса его отсутствие у молодого человека, окончившего среднюю школу, выглядит крайне странно. Кроме того, многие работодатели считают, что только высшее образование дает необходимые в современной жизни коммуникативные навыки (к которым относится в том числе и вежливость, что требуется при работе с клиентами, сослуживцами и т. п.), а также, хотя бы частично, ликвидирует пробелы в школьном образовании, качество которого оценивается работодателями невысоко¹. Несмотря на жалобы на нехватку работников со средним профессиональным образованием, работодатель предпочитает брать специалиста с высшим образованием. Более того, требование работодателей о наличии высшего образования стало, по сути дела, императивным и не-

¹ Аврамова Е. М., Беляков С. А., Левинсон А. Г., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А. Требования работодателей к работнику. М.: МАКС ПРЕСС, 2006.

редко распространяется даже на работников, для которых этот уровень образования представляется избыточным — курьеры, секретари, продавцы и т. п. (табл. 5 и рис. 6).

Таблица 5. Требования работодателя к нанимаемым работникам, % (допускалось несколько ответов)¹

Качества кандидата	Доля работодателей, считающая данное качество важным у работника, %
Опыт работы	86,1
Уровень образования — высшее	80,4
Связи	72,9
Рабочие качества (квалификация)	61,2
Рекомендации	26,5

Заинтересованы ли вы в приеме на работу человека, имеющего более высокий уровень образования, чем требуется для выполнения работы?

Качества работника с более высоким уровнем образования	% согласившихся
Имеет творческий потенциал, гибкий подход к работе, быстро обучаем	79
Будет искать лучшее место работы для реализации	66
Имеет высокий культурный уровень (культуру общения)	71
Амбициозен, готов занять место лидера	47
Ему сложно вписаться в сложившийся коллектив	24
Не исполнительен, с низкой трудовой культурой	16

Рис. 6. Отношение работодателей к работникам, имеющим более высокий уровень образования, чем требуется для выполнения работы, % (допускалось несколько ответов)

Источник: Левада-центр, 2005.

¹ Аврамова Е. М., Беляков С. А., Левинсон А. Г., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А. Требования работодателей к работнику. М.: МАКС ПРЕСС, 2006.

Таким образом, наличие высшего образования у работника важно для 80,4% работодателей, по распространенности это требование занимает второе место, пропуская вперед только наличие опыта работы.

Хотя стремление родителей дать детям высшее образование во многом обусловлено их советским трудовым опытом и желанием для детей «лучшей жизни» (а получение высшего образования рассматривается как пропуск в эту хорошую жизнь с чистой работой), оно объективно опирается на то, что премия за высшее образование в России стабильно остается высокой, в то время как другие уровни профессионального образования ничего подобного не обеспечивают (рис. 7).

Здесь наглядно видно, что премия за высшее образование постоянно растет: это наблюдалось даже в кризисные 2008–2009 годы. Правда, в 2011 г. вроде бы наметился поворот,

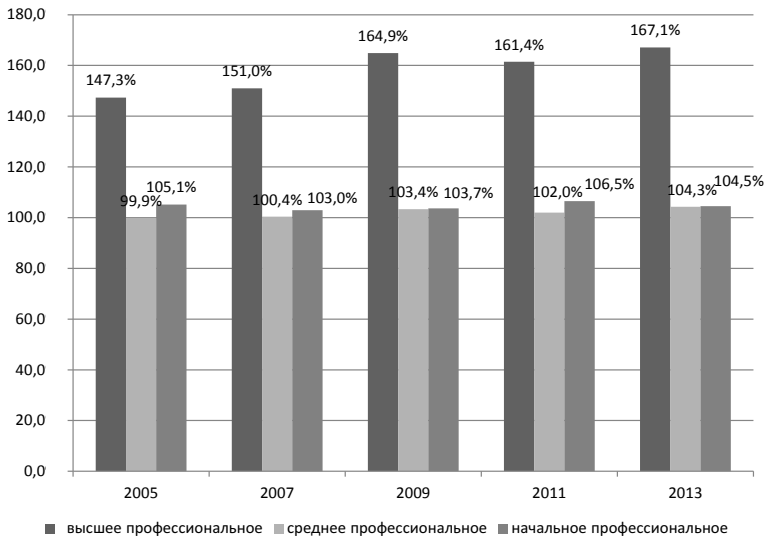

Рис. 7. Премия за соответствующий уровень профессионального образования, % (отношение заработной платы работников с профессиональным образованием соответствующего уровня к заработной плате работников со средним (общим) образованием)

Источник: Рассчитано по данным Росстата.

но он не случился, так как в 2013 г. премия за высшее образование превысила показатели 2009 г. Можно сделать вывод, что насыщения экономики и социальной сферы работниками с высшим образованием в России еще не произошло и все разговоры о «навесе высшего образования», о том, что слишком много молодых людей получает высшее образование, когда экономике нужны рабочие кадры, не подтверждаются сухими статистическими данными. Более того, премия за начальное (рабочие кадры) и среднее (специалисты среднего звена) профессиональное образование остается крайне низкой (не более 4,5% в 2013 г., в 2011 по НПО чуть больше — 6%) относительно работников вообще не имеющих профессионального образования. Поэтому очевидно, что населению пока стоит вкладываться в получение высшего образования, даже если оно оказывается чисто символическим (то есть сводится к получению диплома). Именно этим обусловлено, что в России заочное высшее образование себя оправдывает, несмотря на его заведомо более низкое качество по сравнению с очным. Сказанное еще раз подтверждает, что МООС в России пока не будет играть значительной роли, не говоря уже о том, что большинство тех, кто в настоящее время учится заочно, не знают или плохо знают иностранные языки, что делает для них бесполезными курсы лекций ведущих западных профессоров. (Правда, ситуация может измениться при появлении компьютерного перевода, полностью адекватного человеческому).

Альтернативой МООС могут стать русскоязычные онлайн-программы с широким доступом, нацеленные на два типа потребителей: очных студентов сильных вузов (расширение возможностей и повышение их конкурентоспособности, этим контингентом будут частично востребованы и западные курсы), а также неочных студентов и очных студентов вузов второго и третьего эшелонов для повышения качества своего образования (хотя здесь вряд ли будет массовый спрос). Это разные задачи, которые должны решаться по-разному — они требуют разных языков описания, другого построения курсов, других учебных пособий и т. п. Во втором случае доступ к онлайн-программам должен быть предельно облегчен, причем эти программы должны поддерживаться государствен-

ным финансированием. Более того, они должны стать обязательными для преподавателей, которые работают с заочным контингентом и экстернами, а также для преподавателей вузов, не являющихся ведущими¹.

РЫНОК ТРУДА И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ориентация населения на высшее образование привела к существенному изменению уровня полученного образования работников в составе занятых (рис. 8).

За 10 лет доля работников с высшим образованием в составе занятого населения выросла с 23,6% до 31,7% (более чем на треть),

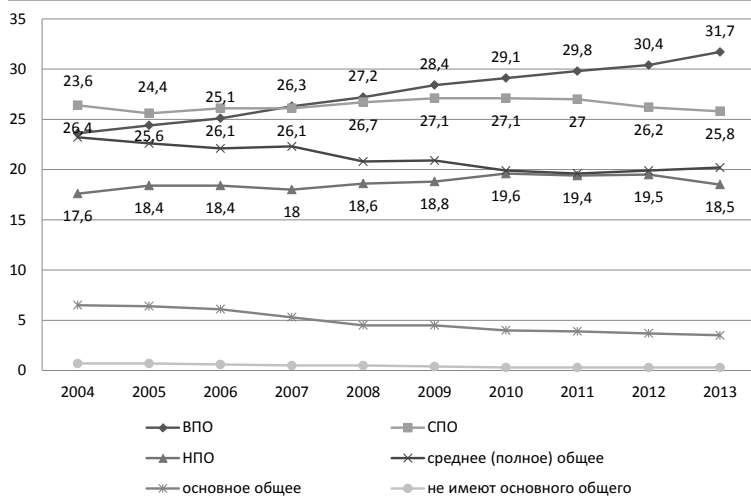

Рис. 8. Структура занятого населения России по образованию в 2004–2013 гг., %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Росстат, 2003–2013.

¹ В системе образования в 2013 г., по данным Росстата, повышение квалификации и профессиональную переподготовку прошло только 15,6% занятых (в 2010 г. — 13,8%). При этом охват программами ПКПП учителей и ППС вузов составил 23,3%. Вычленив собственно ППС из общей численности специалистов системы образования, прошедших ПКПП, не представляется возможным).

а со средним профессиональным снизилась с 26,4% до 25,8%, или на 2,3%. Вместе с тем в отдельные годы доля работников со средним профессиональным образованием превышала 27% (2009–2011 гг.). В рассматриваемый период возрастала доля населения с начальным профессиональным образованием с 17,6% до 19,5% (почти на 10,8%), что было связано, прежде всего, с сокращением среди занятых доли работников, не имеющих профессионального образования, однако с 2012 г. доля занятых с НПО в общей численности занятых стала сокращаться (в 2013 г. по сравнению с 2012 г. на 1 п.п.).

Доля работников с третичным образованием (высшее образование и среднее профессиональное образование) в общей численности занятого населения составила в России в 2013 г. 57,5%¹. Это серьезно повлияло на структуру занятости в отраслях российской экономики (рис. 9).

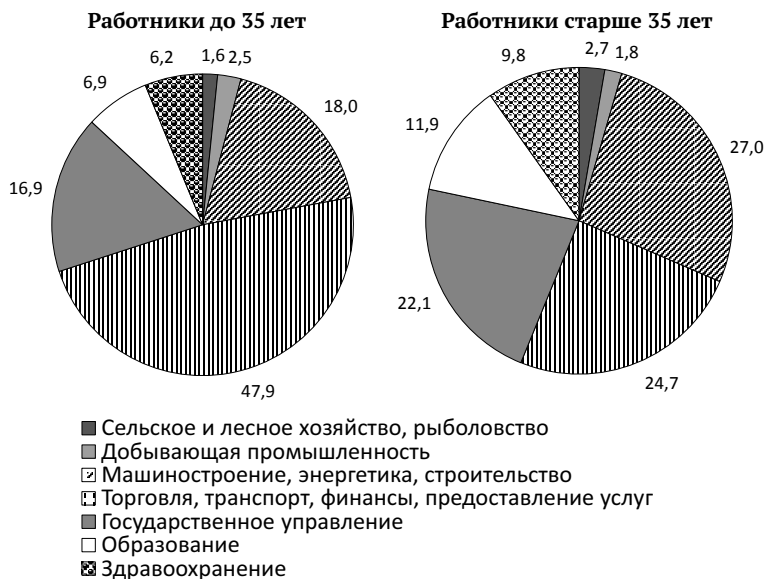

Рис. 9. Распределение лиц с высшим образованием по отраслям российской экономики, %

Источник: МЭО.

¹ В США доля населения с высшим и неполным высшим составляет 54%.

В настоящее время молодежь (до 35 лет) преимущественно работает в таких сферах деятельности, как торговля, транспорт, финансовые услуги и сфера обслуживания (почти 50%), в государственном управлении сосредоточено около 17% работников, которым меньше 35 лет, еще 18% занято в машиностроении, энергетике и строительстве, в образовании их меньше 7%. Если же брать распределение по отраслям работников старше 35 лет, то здесь картина совершенно другая: 27% занято в машиностроении, энергетике и строительстве, в торговле – 24,7%, в госуправлении – 22,1%, 11% – в образовании, около 10% – в добывающих отраслях (до 35 лет – 6,2%).

Таким образом, существенно меняется возрастная структура занятых в различных отраслях. И можно предположить, что указанная кадровая трансформация серьезно влияет на структуру подготовки студентов в российских университетах.

ТЕНДЕНЦИИ

С 2008 г. численность студентов российских вузов стала быстро сокращаться (рис. 10).

По прогнозу, сделанному Центром экономики непрерывного образования РАНХиГС, минимальная численность студен-

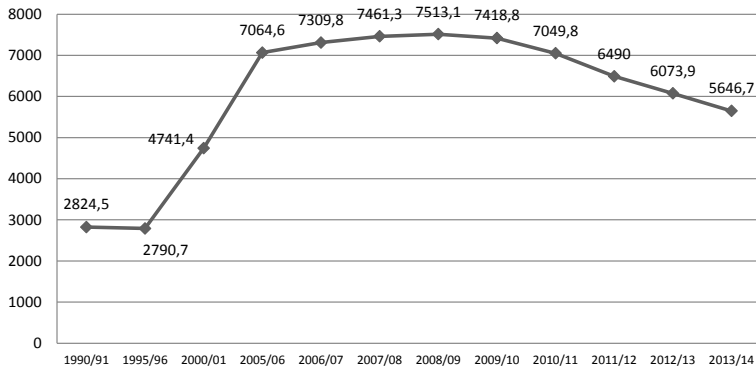

Рис. 10. Динамика численности студентов российских вузов в 1990/91–2013/14 учебных годах, тыс. чел.

Источник: Росстат.

Рис. 11. Прогноз численности студентов вузов 2015–2025 гг. (базовый вариант)

Источник: ЦЭНО РАНХиГС.

тов вузов придется на 2021 г., когда она составит 56% от пиковой численности студентов в 2008 г. — 7,5 млн человек (рис. 11).

Снижение контингентов приведет к смене модели, по которой в России 1990-х и 2000-х гг. шло развитие большинства вузов — быстрое расширение контингентов и экономия на масштабе (рис. 12).

При ожидаемом падении студенческих контингентов, средняя численность студентов, приходящихся на один вуз, в 2021 г. может снизиться до 3,253 тыс. человек, т. е. ситуация будет хуже ситуации 1995/96 учебного года. При сохранении нынешних пропорций между очными и неочными контингентами средняя численность очных студентов (46,6%) *среднего* вуза составит всего чуть более 1,5 тыс. человек, что делает обучение в таком вузе достаточно дорогим. В силу сказанного политика укрупнения вузов и сокращения их общего числа выглядит в настоящее время вполне рациональной, при этом необходимо срочно сокращать и *неочные* формы обучения. Для того чтобы средняя численность студентов в вузе была на уровне 2008 г., общее число государственных

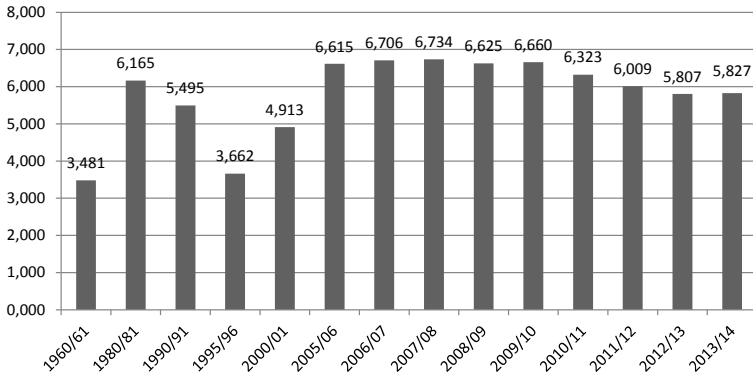

Рис. 12. Средняя численность студентов в расчете на один вуз, тыс. чел.

Источник: Расчеты по данным Росстата.

и частных вузов должно быть сокращено примерно до 624. После 2021 г. начнется небольшой рост студенческих континентов: в 2025 г. численность студентов вузов составит 4,4–4,5 млн человек. Поэтому даже сжавшейся достаточно сильно вузовской сети в целом хватит для обучения растущей численности студентов.

В настоящее время соотношение числа государственных и частных вузов составляет 1,5:1. При сохранении этого соотношения число государственных вузов должно было бы сократиться до 374, а частных до 250. Представляется, что столь масштабное сжатие сети государственных вузов осуществить невозможно, да и не нужно, так как качество высшего образования в частных вузах ниже, чем в государственных, поэтому, несмотря на стремление сохранить значительное число частных вузов, вузовская сеть будет сжиматься, прежде всего, за счет негосударственного сектора ВО. В результате можно ожидать, что к 2021 г. их число сократится примерно до 120–150 вузов, а государственных — до 474–500 вузов. Такая пропорция числа государственных и частных вузов в большей мере соответствует сложившемуся в последние годы соотношению численности студентов в государственных (муниципальных) и негосударственных вузах.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Бюджетное финансирование государственных и муниципальных вузов стабильно росло все последние годы (рис. 13).

Соответственно, росли и бюджетные расходы в расчете на одного студента, обучающегося на бюджетной основе. Вместе с тем нормативы подушевого финансирования были установлены значительно меньше, чем удельные расходы (рис. 14).

Если в 2012 и 2013 г. разница между удельными расходами и нормативами объяснялась наличием корректирующих коэффициентов, то в 2014 г. эти коэффициенты были установлены равными единице. Исключения составляли только региональные коэффициенты по заработной плате.

Представляется, что в настоящее время в российском высшем образовании действуют две основные тенденции. С одной стороны, происходит явная дифференциация вузов, выделение университетов-лидеров или тех из них, кто должен стать лидером (формирование пула статусных вузов). Эта тенденция сформировалась с начала 2000 г., когда была сделана попытка определить «ведущие вузы», а с 2006 г., когда был запущен Приоритетный национальный проект «Образование», стала осуществляться, поскольку в его рамках были проведены 2 конкурса по выявлению инновационных университетов. Затем в каждом федеральном округе с 2008 г. стали формироваться федеральные университеты как точки роста качества высшего образования в региональном разрезе. Кроме того, опять же на конкурсной основе стали выделяться национальные исследовательские университеты с тем, чтобы они взяли на себя ключевую роль в развитии российской науки, смогли привлекать иностранных студентов и составить конкуренцию ведущим мировым университетам. Все указанные университеты стали получать повышенное финансирование, с тем чтобы они могли решить поставленные перед ними задачи.

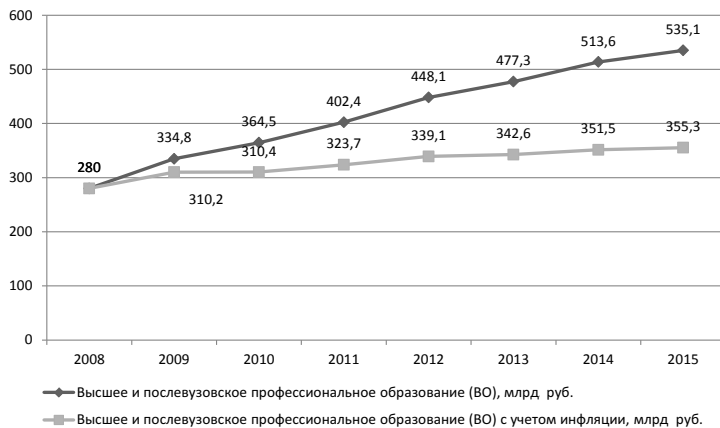

Рис. 13. Бюджетные расходы на высшее образование в 2008–2015 гг., млрд руб.

Источник: Минфин России, Федеральное казначейство.

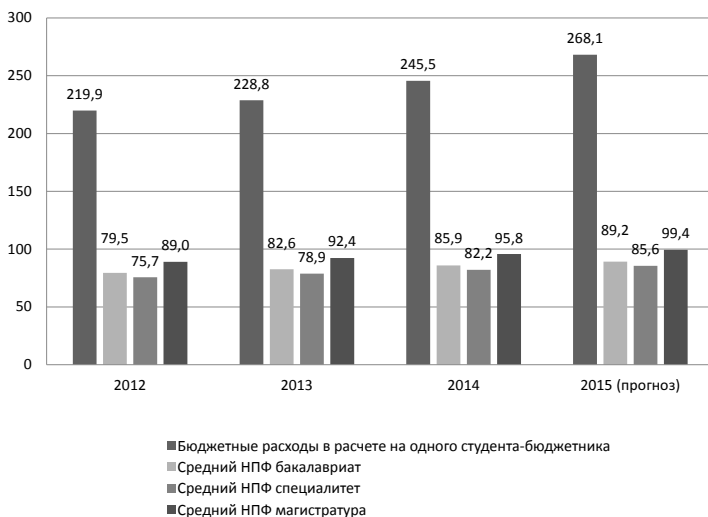

Рис. 14. Бюджетные расходы (удельные и средние нормативы финансирования) в расчете на одного студента, тыс. руб. (по 2015 г. прогноз)

ПРИМЕЧАНИЕ: НПФ — норматив подушевого финансирования.

Источник: Расчеты по данным Минфина России, Федерального казначейства и Минобрнауки России.

С другой стороны, с 2010 г. с принятием Федерального закона № 83-ФЗ¹ началась унификация бюджетного финансирования вузов на основе внедрения системы нормативов подушевого финансирования (НПФ). Этот подход базируется на рассмотрении высшего образования как государственной стандартизированной услуги, которая в любом российском вузе должна быть одного и того же качества и, соответственно, одинаково финансироваться. Поэтому нормативы устанавливаются по 9 группам направлений подготовки (специальностей) вне зависимости от того, в каком высшем учебном заведении по ним ведется подготовка².

Таким образом, дифференциация вузов идет по признаку качества даваемого ими образования, а механизм финансирования нацелен практически исключительно на учет количества студентов, поступивших в каждый вуз.

Логика нормативного подушевого финансирования исходит из того, что студенты (учащиеся) стремятся поступить в лучший по качеству вуз, в результате он получает больше бюджетных средств, а вместе с ними стимул и возможность развиваться, а слабые вузы уходят с рынка. Но на практике данная схема в России работает плохо. В ситуации, когда получение высшего образования стало социальной нормой, выигрывать могут не сильные вузы, а слабые, куда пойдет большее число студентов с тем, чтобы получить диплом без особых усилий. При этом слабый вуз может получить хорошее финансирование из бюджета. Поэтому НПФ начали подкреплять (страховать) государственным заданием, которое должно распределяться на конкурсной основе с учетом качества оказываемых вузом образовательных услуг. Другими словами, конкурсная комиссия распределяет госзадание между вузами, учитывая качество образования в каждом из них. Тем,

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

² Только для вузов, которые получили право устанавливать собственные образовательные стандарты, которые превышают федеральные, устанавливаются повышенные нормативы финансирования.

у которых качество повыше, дает побольше бюджетных мест, а тем, кто послабее, — поменьше. При этом вполне возможна ситуация, когда при одинаковом числе бюджетных мест весьма средний технический вуз получит значительно больше бюджетных средств по сравнению с хорошим экономическим вузом, так как нормативы рассчитываются с учетом потребности в специальном оборудовании, а экономический вуз его, вроде бы, не требует.

Эта проблема хорошо известна в экономической науке. В Чили вводили подобный механизм финансирования в 80-е гг. XX в. В результате гуманитарные университеты стали создавать у себя технические факультеты и всячески мимикрировать под технические вузы. В конце концов от столь простой модели нормативного подушевого финансирования пришлось отказаться, поскольку система высшего образования стала ориентироваться исключительно на величину нормативов, а не на потребности рынка труда и населения.

Величина установленных в России с 2012 г. и по настоящее время нормативов, их финансовое наполнение, не позволяют вузам обеспечить нормальное осуществление образовательного процесса при стандартной учебной группе в 25 человек. Особенно серьезна данная ситуация для вузов социального и гуманитарного профилей, а также для таких направлений подготовки, как, например, математика, поскольку в этих случаях учебный процесс ведется без использования специального (сложного) оборудования. В этих вузах норматив не покрывает даже заработную плату ППС (см. расчет на рис. 15).

Нормативное подушевое финансирование в России вводилось для повышения конкуренции между вузами, которая должна была привести к росту качества образовательных услуг. Однако следует признать, что в России конкуренция между вузами крайне проблематична: как правило, есть несколько сильных университетов, готовящих по сходным направлениям подготовки (специальностям), которые если и конкурируют, то только между собой, остальные же вузы принимают всех, кого могут принять и учат тому, чему могут учить, имея определенный кадровый состав и, во многих случаях, устаревшую материальную базу. В региональных центрах по большей части есть

Хватит ли нам бюджетных средств на группу из 25 студентов?

Математика — норматив **63 000 руб.**

Группа 25 студентов — 2,5 преподавателя (при установленном нормативном соотношении, когда на одного преподавателя приходится 10 студентов).

Объем бюджетных средств, выделяемых на данную группу:

$63\,000 \times 2,5 = 157\,500$ **рублей.**

Средняя з/п ППС в 2013 г. = 40 428 рублей.

Зарплата 2,5 преподавателей: $40\,428 \times 2,5 \times 12 \times 1,302 =$

$= 1\,579\,117,68$ рублей (з/п ППС = 134% от средней по экономике России).

I полугодие 2014 г. Средняя з/п ППС = 45 442 рублей, или 144% от средней по экономике России.

Рис. 15. Расчет потребности в бюджетных средствах на группу из 25 бюджетных студентов в 2013 г.

Источник: Расчеты по данным Минобрнауки и Росстата.

3–4 государственных вуза, которые либо имеют разные профили (условно — технический, медицинский и педагогический), либо очень скоро использование НПФ приведет к локальной монополии с соответствующими последствиями для качества образования.

Наконец, специфика российской системы высшего образования состоит в том, что в ней действуют два рынка: рынок, на котором государство закупает услуги вузов, и рынок, где образовательные услуги покупает население. На первом рынке действует монополия (один покупатель — государство, соответственно этот рынок чреват провалами государства), на втором, пока примерно в 1,8 раза большем по численности студентов по сравнению с первым, действуют домохозяйства в условиях асимметрии информации (соответственно, его деятельность чревата провалами рынка). Государство имеет свои приоритеты, а население — свои. Достаточно часто они не совпадают. Но поскольку население действует на большем рынке по численности студентов, именно этот рынок во многом определяет конечные результаты образования и эффективность системы высшего образования — по качеству, по структуре подготовки кадров с высшим образованием, по отклику на запросы рынка труда (табл. 5).

Таблица 5. Численность студентов по некоторым направлениям подготовки на первом курсе государственного университета (национальный исследовательский университет) в крупном городе, человек (2014 г.)

Форма обучения	Направление (специальность) по ФГОС	Подано заявлений	Принято на 1-й курс всего	В т. ч. с возм. затрат	Квалификация
Очная	010100 — Математика	0	0	0	Бакалавр
Очная	010100 — Математика	21	20 (20)	0	Магистр
Очная	010200 — Математика и компьютерные науки	437	64 (60)	4	Бакалавр
Очная	010300 — Фундаментальные информатика и информационные технологии	370	35 (20)	15	Бакалавр
Очная	010300 — Фундаментальные информатика и информационные технологии	25	15 (15)	0	Магистр
Очная	010400 — Прикладная математика и информатика	363	50 (15)	5	Бакалавр
Очная	010400 — Прикладная математика и информатика	26	21 (21)	0	Магистр
Очная	010500 — Математическое обеспечение и администрирование информационных систем	307	13 (10)	3	Бакалавр

Форма обучения	Направление (специальность) по ФГОС	Подано заявлений	Принято на 1-й курс всего	В т. ч. с возм. затрат	Квалификация
Очная	010800 — Механика и математическое моделирование	317	25 (20)	5	Бакалавр
Очная	010800 — Механика и математическое моделирование	11	10 (10)	0	Магистр
Очная	011200 — Физика	506	73 (61)	12	Бакалавр
Очная	011200 — Физика	18	18 (18)	0	Магистр
Очная	011800 — Радиофизика	565	63 (50)	13	Бакалавр
Очная	011800 — Радиофизика	21	17 (17)	0	Магистр
Очная	020100 — Химия	363	29 (25)	4	Бакалавр
Очная	020100 — Химия	19	15 (15)	0	Магистр
Очная	020201 — Фундаментальная и прикладная химия	340	57 (50)	7	Специалист
Очная	020400 — Биология	462	82 (65)	17	Бакалавр
Очная	020400 — Биология	23	20 (20)	0	Магистр
Очная	030100 — Философия	147	26 (23)	3	Бакалавр
Очная	030100 — Философия	21	12 (12)	0	Магистр
Очная	030200 — Политология	273	21 (9)	12	Бакалавр
Очная	030200 — Политология	9	5 (5)	0	Магистр

Продолжение табл. 5

Форма обучения	Направление (специальность) по ФГОС	Подано заявлений	Принято на 1-й курс всего	В т. ч. с возм. затрат	Квалификация
Очно-заочная	030300 — Психология	203	45 (20)	25	Бакалавр
Очная	030900 — Юриспруденция	1240	269 (68)	201	Бакалавр
Очная	030900 — Юриспруденция	24	18 (18)	0	Магистр
Очно-заочная	030900 — Юриспруденция	206	94 (4)	90	Бакалавр
Очно-заочная	030900 — Юриспруденция	13	10	0	Магистр
Заочная	030900 — Юриспруденция	322	132 (50)	82	Бакалавр
Заочная	030900 — Юриспруденция	43	15 (15)	0	Магистр
Очная	031600 — Реклама и связи с общественностью	404	25 (8)	17	Бакалавр
Очная	031900 — Международные отношения	364	45 (13)	32	Бакалавр
Очная	031900 — Международные отношения	24	14 (14)	0	Магистр
Очно-заочная	031900 — Международные отношения	21	10 (6)	4	Бакалавр
Очная	032700 — Филология	168	44 (42)	2	Бакалавр
Очная	032700 — Филология	56	36 (36)	0	Магистр
Заочная	032700 — Филология	46	10 (10)	0	Бакалавр
Очная	040100 — Социология	440	24 (15)	9	Бакалавр
Очная	040100 — Социология	16	10	0	Магистр

Окончание табл. 5

Форма обучения	Направление (специальность) по ФГОС	Подано заявлений	Принято на 1-й курс всего	В т. ч. с возм. затрат	Квалификация
Очная	080100 — Экономика	1772	228 (85)	143	Бакалавр
Очная	080100 — Экономика	33	21 (20)	1	Магистр
Очно-заочная	080100 — Экономика	296	90 (15)	75	Бакалавр
Очно-заочная	080100 — Экономика	6	4 (0)	4	Магистр
Заочная	080100 — Экономика	263	90 (10)	80	Бакалавр
Заочная	080100 — Экономика	2	2 (0)	2	Магистр
Очная	080200 — Менеджмент	1232	97 (26)	71	Бакалавр
Очная	080200 — Менеджмент	73	35 (35)	0	Магистр
Очно-заочная	080200 — Менеджмент	182	26 (8)	18	Бакалавр
Очно-заочная	080200 — Менеджмент	1	1 (0)	1	Магистр
Заочная	080200 — Менеджмент	139	13 (3)	10	Бакалавр
Очная	081100 — Государственное и муниципальное управление	232	47 (0)	47	Бакалавр
Заочная	081100 — Государственное и муниципальное управление	41	19 (0)	19	Бакалавр

ПРИМЕЧАНИЕ. В скобках указана численность студентов, обучающихся на бюджетной основе.

Источник: www.edu.ru

В табл. 5 представлен крупный государственный университет, который имеет статус национального исследовательского

(НИУ). В нем математика и другие естественно-научные направления подготовки практически полностью осуществляются за счет бюджетных средств: из 627 студентов, принятых на 1-й курс по указанным направлениям, только 83 обучаются на платной основе. Это рынок государства, при этом, как нетрудно видеть, он далеко не оптимален, так как здесь практически нет групп с численностью студентов 25 человек, что является нормативной величиной формирования учебных групп (но, как показано выше, даже группа из 25 студентов в некоторых случаях недостаточна для того, чтобы бюджетные средства позволили покрыть минимально необходимые затраты на ее обучение). Во второй части табл. 5, выделенной светло-серым, представлены социальные и гуманитарные направления подготовки (представлены далеко не все из них). В этом случае картина во многом противоположная: основную роль играет население, которое платит за образование, а роль государства менее значима. Это — рынок населения, за исключением магистратуры, где государство вновь выступает единственным заказчиком на подготовку магистрантов. В сфере подготовки по социальным и гуманитарным направлениям государство «берет свою долю мест», которая опять-таки не оптимальна, а остальная часть отдается населению на сугубо рыночной основе, за плату. Более того, государство фактически устраняется от субсидирования обучения платных студентов, требуя, чтобы устанавливаемая вузами плата за образование была не ниже бюджетного норматива подушевого финансирования¹. Обращает на себя внимание, что подготовка бакалавров (как очная, так и заочная) по направлению «Государственное и муниципальное управление» полностью осуществляется *на платной основе*.

Если говорить об основных тенденциях для государственных вузов по притоку средств в платное высшее образование,

¹ В США, где высшее образование платное, в университете штата студент, проживающий в этом штате, может учиться бесплатно или получая большую скидку. Даже в частных университетах государство финансирует не менее 51% расходов на обучение студентов, притом что плата за обучение в ведущих американских университетах весьма высока и имеет тенденцию к росту.

то население начинает существенно «отставать» от государства в этом вопросе (рис. 16).

В 2013/14 учебном году платный контингент российских вузов (государственных и частных) составлял 3,4 млн человек. Соответственно, средняя плата за высшее образование платных студентов составляла 85,8 тыс. рублей. Если сравнивать эти затраты с удельными расходами бюджета на одного студента-бюджетника в 2013 г. — 228,8 тыс. руб., то последние были в 2,67 раза выше. Если же сравнить среднюю плату за обучение в вузе со средними нормативами бюджетных расходов в бакалавриате, специалитете и магистратуре в 2013 г. (очная форма обучения), то становится ясно, что платный студент «на пределе возможностей» может оплачивать обучение в очном бакалавриате и специалитете, но его средств уже не хватает

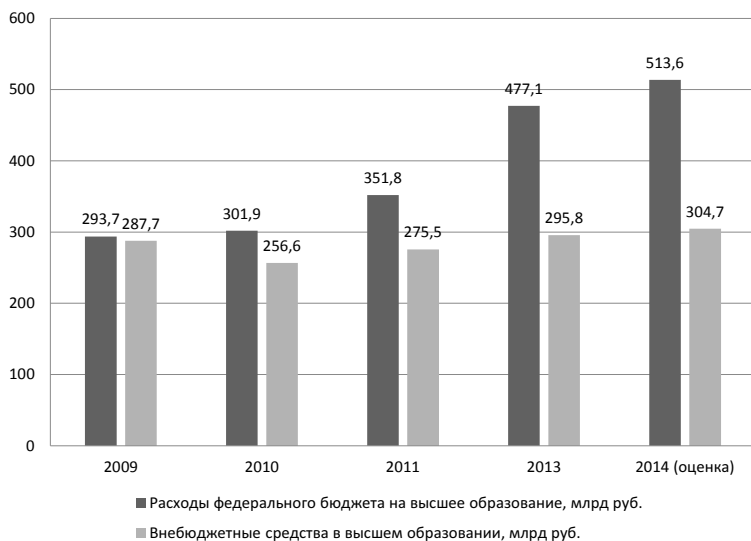

Рис. 16. Бюджетные и внебюджетные средства (от оплаты обучения) в системе высшего образования в 2009–2014 гг. (2014 г. — оценка), млрд руб.

ПРИМЕЧАНИЕ: Доля внебюджетных средств в общем объеме средств ВО упадет с 49% в 2009 г. до 37% в 2014 г. (оценка).

Источник: Росстат (2009–2011 гг.), Федеральное казначейство, расчеты по данным Росстата.

на оплату обучения в магистратуре. Это очень хорошо видно на данных табл. 5, где магистратура практически полностью бюджетная (всего 8 платных стуготовки). дентов в магистратуре по приведенным направлениям под

В основном же, как уже отмечалось, для платного контингента становятся доступными, прежде всего, вечернее и заочное обучение в государственных вузах и обучение в негосударственных вузах, поскольку в негосударственных цены пока на 20–25% ниже, чем в государственных высших учебных заведениях. Вместе с тем небольшой контингент платных студентов обучается очно в престижных вузах, где плата в 2–3 раза выше средней по системе высшего образования, 26% обучается в частных вузах, причем в этих вузах 80% учится заочно, а остальные платные студенты — преимущественно на вечерних и заочных отделениях средних по качеству и слабых государственных (муниципальных) вузов (и их филиалов).

С повышением нормативов бюджетного финансирования и при сохранении требования, что плата за обучение не может быть ниже норматива, данная тенденция будет только усугубляться: качественное высшее образование будет все менее доступно для тех, кто платит за свое обучение¹. Соответственно, дети из малообеспеченных семей и низшего среднего класса будут все больше вытесняться в сегмент неочного образования. Тем самым возникает механизм, препятствующий возможности использовать высшее образование в качестве инструмента вертикальной социальной мобильности.

Развилки: БУДУЩЕЕ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Для России основным вызовом в развитии университетов являются:

- внешний — смена экономической модели и нарастающая неопределенность экономического развития;

¹ Вузы стремятся обходить это правило, устанавливая решениями своих учебных советов скидки для платных студентов, которые недобрали нескольких баллов для прохождения на бюджетные места, т. е. субсидируют обучение части из них, в том числе и за государственный счет.

- внутренний — резкий рост издержек, в том числе связанный с социально оправданной попыткой повысить заработную плату ППС;
- демографический — выраженный спад студенческих контингентов, необходимость сокращения вузовской сети.

В связи с этим актуальными становятся следующие развилки в развитии высшего образования:

- 1) сохранение неизменным бюджетного приема в вузы или его достаточно сильное сокращение (принятый закон «Об образовании в Российской Федерации» снизил минимальную норму численности бюджетного контингента);
- 2) сохранение неизменным бюджетного приема в вузы или его увеличение в условиях падения платежеспособного спроса населения;
- 3) сохранение курса на дифференциацию вузов, дальнейшее выделение статусных вузов при одновременном снижении позиции остальных вузов путем превращения их в бакалаврские высшие учебные заведения или выравнивание экономического положения всех вузов в связи с тем, что они оказывают государственную услугу, которая должна быть одинаковой на всей территории страны (фактически — ликвидация элитных вузов, снижение среднего качества высшего образования);
- 4) сохранение требования, согласно которому плата за обучение в вузе должна быть не ниже бюджетного норматива по данному направлению подготовки (специальности), или его отмена и предоставление вузам права самостоятельного установления платы за обучения (возможно, при установлении нижнего предела балла ЕГЭ, по которому можно принимать по цене ниже норматива);
- 5) норматив формируется как единый, в который входят и финансирование учебного процесса, и финансирование содержания имущества вуза, или как два норматива, когда выделяются норматив на содержание имущества, что позволяет в явном виде учесть объективные, исторически

сложившиеся различия в составе имущественных комплексов вузов, и норматив на образовательный процесс, который должен учитывать дифференциацию кадрового состава вузов, т. е. в явном виде качество преподавания;

- б) сохранение конкурсного распределения бюджетных мест между вузами (распределение контрольных цифр приема) или переход к иной модели (моделям), позволяющим в явном виде учитывать качество образования в том или ином вузе¹.

От прохождения этих развилок зависит будущее российских университетов и системы российского образования в целом. До того же момента, пока они не пройдены, развитие будет в основном идти по инерции.

¹ Конкурсная процедура распределения КЦП изначально вводилась как переходная до введения государственного именованного финансового обязательства (ГИФО). От модели ГИФО после нескольких лет эксперимента отказались, а конкурсное распределение КЦП сохранилось. В настоящее время конкурс используется, в том числе для передачи бюджетных мест частным вузам, которых вне этой процедуры государство финансировать не может.

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

2. Федеральный закон Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

3. *Аврамова Е. М., Беляков С. А., Левинсон А. Г., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А.* Требования работодателей к работнику. М.: МАКС ПРЕСС, 2006.

4. *Бурэ К. С.* Реформа высшего образования: экспансия бакалавров и магистров // Вопросы образования. 2008. № 2. С. 52–72.

5. *Вахштайн В. С., Мешкова Т. А., Железов Б. В.* Основные тенденции государственной политики в сфере высшего образования в странах ОЭСР // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 32–46.

6. *Гейгер Р., Хеллер Д.* Современные тенденции в финансировании высшего образования: США // Вопросы образования, 2012. № 3. С. 5–29.

7. *Дим Р.* «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 44–56.

8. *Доннелли К., Ризви С., Барбер М.* Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. № 3.

9. Комплексная программа НТП в СССР до 2005 года, том «Социальные проблемы, повышение народного благосостояния и развитие культуры в СССР». М., 1981.

10. Кумбс Ф. Кризис образования в современном мире. М.: Прогресс, 1970.
11. Клячко Т., Мау В., Синельников-Мурылев С. О реформе бюджетных учреждений // Экономическая политика. 2009. № 1.
12. Клячко Т., Мау В. Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации // Вопросы образования. 2007. № 3.
13. Клячко Т., Синельников-Мурылев С. О реформировании системы финансирования вузов // Вопросы экономики. 2012. № 7.
14. Клячко Т., Синельников-Мурылев С. О нормативах бюджетного финансирования и регулирования величины платы за обучение в государственных вузах // Экономическая политика. 2012. № 6.
15. Мау В. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. № 7.
16. Мир в цифрах. М.: Олимп-Бизнес, 2007, 2014.
17. Озерова О.К., Угольнова Л.Е. «Заочное образование: особенности формы обучения, мотиваций и стратегий студентов» // Информационный бюллетень «Мониторинг экономики образования». 2013. № 9 (72).
18. Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Росстат, 2003–2013 гг.
19. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2014.
20. Филонович С.Р. Life-long learning: последствия для высшей школы // Вопросы образования. 2009. № 4. С. 55–66.
21. Education at a Glance. 2014. OECD, 2014.
22. The future of universities. The digital degree. The staid higher-education business is about to experience a welcome earthquake. Jun 28th 2014.
23. Bruce Jonstone. The Financing and Management of Higher Education: A Status Report on Worldwide Reforms / Bruce Jonstone, Alka Arora, William Expertone // State University of New York at Buffalo. 1998.
24. www.edu.ru

Научная литература

Серия «Научные доклады: образование»

Заказное издание

Татьяна Львовна Клячко

Владимир Александрович Мау

Будущее университетов

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*

Редактор *О. В. Черкасова*

Художник *Е. В. Трушина*

Оригинал-макет *О. З. Элоева*

Верстка *А. И. Попова*

Подписано в печать 19.12.2014. Формат 60х90^{1/16}.

Гарнитура ПТ Сериф. Усл. печ. л. 4,00. Тираж 750 экз.

Заказ № 1242

Издательский дом «Дело» РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр – тел. (495) 433–25–10, (495) 433–25–02

www.ranepa.ru

delo@ranepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82